

Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг.

Анна Комзолова

Count E.F. Kankrin and Nicholas I
during the Russian-Polish War of 1830–1831

Anna Komzolova
(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24020091, EDN: HIIIDKO

Как отмечали ещё дореволюционные историки, русско-польская война 1830–1831 гг. имела долгосрочные последствия. По словам Н.К. Шильдера, после 1831 г. Николай I «был уже не тот, каким он являлся на престол в 1825 г.». Теперь император всё более начал «склоняться на сторону абсолютизма»¹. А.А. Корнилов указывал на то, что после 1831 г. Польша признавалась «страной, завоёванной русским оружием» и требовавшей интеграции с «коренными великороссийскими землями»². М.А. Полиевктов отмечал, что восстание 1830–1831 гг. в значительной мере определило «весь дальнейший ход внешней политики императора Николая I». Более того, в правительственной программе «надолго умерла мысль об исправлении “исторической несправедливости” польских разделов XVIII в., и политика суровой безжалостной действительности вступила в свои права», найдя своё выражение в политике обрусения³.

В современной историографии анализируются возможности и пределы авторитарной власти и роль самого императора и высших сановников в формировании правительственного курса в Польше и Западном крае. При этом особо отмечаются инициативы Николая I, стремившегося к «сближению» этих окраин с империей⁴. По мнению Т.В. Андреевой и Л.В. Выскочкова, одной из важнейших особенностей «николаевской модели преобразовательной политики» являлось «соединение личного начала и управления посредством учреждений»⁵. Неудивительно, что и ключевые государственные институты, и ближайшее

© 2024 г. А.А. Комзолова

¹ Шильдер Н.К. Император Николай и Польша в 1825–1831 годах // Русская старина. 1900. № 1. С. 303; № 2. С. 522, 540; № 8. С. 263.

² Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XIX века. Пг., 1915. С. 30–39.

³ Полиевктов М. Николай I: биография и обзор царствования. М., 1918. С. 135, 136.

⁴ Выскочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 380–398; Андреева Т.В., Вибс И.Н., Миловидов Б.П., Шилов Д.Н. Комитет западных губерний в системе государственных учреждений Российской империи в 1831–1835 гг. // Журналы Комитета западных губерний. Т. 1. СПб., 2017. С. 23.

⁵ Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: личность и эпоха. Отечественная историография конца XX – начала XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 21. 2022. № 1. С. 118.

окружение Николая I всё чаще привлекают к себе внимание исследователей⁶. Интересуют учёных и причины, помешавшие монарху инкорпорировать представителей польской элиты в состав российской высшей бюрократии, а также в полной мере использовать их потенциал для разработки правительственной программы, направленной на объединение Польши с империей⁷.

Среди советников Николая I особое место занимал министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин. Его взгляды и деятельность не раз рассматривались в научной литературе, однако в ней совершенно не отражена та роль, которую он играл в событиях 1830–1831 гг., а также позиции, занятые им тогда при решении польского вопроса.

В правящих кругах Канкрин выделялся скромным происхождением, интеллектом, компетентностью и профессионализмом. Барон М.А. Корф перечисляя такие человеческие слабости графа, как тщеславие, самоуверенность, упрямство и «упорное сопротивление всему, что исходило не от него самого», тем не менее признавал «чрезвычайный дар» министра финансов, заключавшийся в способности «находить простую и удобоисполнимую развязку для самых сложных и щекотливых вопросов». «В речах его, — утверждал барон, — несмотря на странный немецкий их *склад* и ещё более странный *выговор* (выделено Корфом. — А.К.), всегда было что-то пластическое, осязательное для умов и понятий всех степеней. Когда не удавалось взять рассуждениями, он призывал на помощь иронию, даже площадную шутку, которая только ему одному и шла к лицу, нередко исторгая согласие на свои мысли и предложения действием возбуждённого им гомерического смеха»⁸. При этом долго живший в России обрусевший немец Канкрин свободно, хотя и не всегда правильно, писал по-русски, а в разговорах любил вставлять русские пословицы⁹.

Канкрин считал «священной обязанностью» не скрывать от императора свои мысли, пусть «даже ошибочные»¹⁰. Николай I внимательно читал поступающие от графа бумаги, оставляя на полях многочисленные, иногда довольно пространственные пометы, позволяющие судить о его представлениях и темпераменте¹¹. Согласно «достоверному преданию» современников, вступив на престол, он сразу же объявил Канкрину, что «доклады русскому царю должны быть на языке русском»¹².

⁶ См., в частности: *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; *Ружицкая И.В.* Просвещённая бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; *Ружицкая И.В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018; *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019.

⁷ *Андреева Т.В.* Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 65. 2020. Вып. 3. С. 721–749.

⁸ *Корф М.А.* Император Николай в совещательных собраниях. (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 98. СПб., 1896. С. 139–140.

⁹ Однако, по свидетельству Корфа, Канкрин «немилосердно обходился с русским языком» (Из записок барона М.А. Корфа // Русская старина. 1899. № 12. С. 517).

¹⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 30 об.

¹¹ Собственноручные карандашные записи императора на полях докладов Е.Ф. Канкрин сделаны на русском языке, что являлось для Николая I обычной практикой. См. также: *Андреева Т.В., Корсакова Н.Л.* К истории крестьянского вопроса в России. Записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях императора Николая I // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 175.

¹² Граф Егор Францович Канкрин. Очерк его жизнеописания // Русский архив. 1866. № 1. Стб. 118, 114.

Летом—осенью 1830 г. министр финансов с беспокойством следил за развитием революционных процессов в Европе и приготовлениями России к войне. После Июльской революции 1830 г. Николай I попытался выяснить отношение Пруссии и Австрии к возможности прямой военной интервенции во Францию. В сентябре, когда беспорядки охватили Бельгию, и король Нидерландов Вильгельм I попросил о помощи, царь собирался отправить ему русский корпус, чему помешало лишь восстание, вспыхнувшее в ноябре в Варшаве и переросшее в русско-польскую войну.

30 июля, одним из первых получив известия из Берлина об «ужасных происшествиях» в Париже, Канкрин уведомлял о случившемся императора, который отметил на этой записке: «Сегодня утром узнал и, признаться, крайне сим огорчён: хотя давно сего ожидал»¹³. Министр финансов полагал, что революции в Европе вскоре могли негативно отразиться и на экономическом положении России. В секретной записке 10 октября Канкрин делился с монархом своими «мрачными видами», опасаясь, что в случае начала большой европейской войны у России не окажется надёжных союзников: «Вообще, я смотрю с сокрушением сердца на возможность перемены мирных обстоятельств. На Германию надеяться нельзя, коль скоро она почувствует тягости войны. Один *casus foederis*¹⁴ не убедит тамошних людей о необходимости войны. Английская министерия слаба, вероятно, будет стараться откладывать всякую решимость и, если решится после, не даст субсидий, а многого и дать не может. Если Франция остаётся нейтральной, то опасно, чтоб бешенство республиканцев не взяло верх. Война с Францией может иметь последствия крайне невыгодные, особливо по духу времени». Опасаясь политического радикализма, хаоса и разгула насилия, провоцировавшихся революционно настроенными заговорщиками, Канкрин отмечал: «Печальнее всего, что представляются таковые препоны и опасения, кои гидра самовольства угрожает опустошить Европу, законность не признаётся и чернь распоряжает по научению хитрых возмутителей». Николай I, балансировавший тогда на тонкой грани защиты принципов легитимизма и невмешательства во внутренние дела других государств, 12 октября откликнулся на размышления своего советника: «Я совершенно и в глубине души разделяю мнение Ваше, но весь вопрос состоит в том: умирать ли с честью, если Богу угодно, чтобы права трона пали, или со стыдом?». Император не скрывал, что ожидал инициативы от союзников, и прежде всего от Австрии, но для него это «праведная война», и он должен был «действовать по совести»¹⁵.

12 июня 1831 г. Канкрин доложил: «Из Берлина пишут, будто бы князь Ме[т]терних сказал, что если война в Польше продолжится ещё два месяца, то не ручается за спокойствие Венгрии (здесь и далее курсивом переданы слова, выделенные в тексте. — А.К.)». Царя подобное заявление не удивило. «К несчастью, — полагал он, — это весьма быть может; сведения эти имел я уже года три тому назад, и говорил, но мне не верили или, лучше сказать, не хотели признаваться»¹⁶. 31 июля Николай I одобрил предложение Канкринa не скрывать от русских читателей речь, произнесённую французским королём при открытии палат парламента, «полную угроз против России относительно Польши», заверив министра: «Газеты будут выпущены, что всякий увидит, до какого

¹³ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 20.

¹⁴ Случай договора (лат.).

¹⁵ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 29–30 об.

¹⁶ Там же, д. 63, л. 42.

нахальства доходит во Франции»¹⁷. В октябре 1831 г. император высказал Егору Францевичу своё мнение об июльской монархии: «Что же касается до Франции самой, я в душе и сердце убеждён, что всемогущий Бог не даст этому порядку долго продолжаться»¹⁸. Он и впоследствии не изменил своё негативное отношение к Луи Филиппу.

С особым беспокойством глава финансового ведомства следил за положением на границах империи и боевыми столкновениями русских войск с поляками. Так, его сильно тревожили действия отряда под командованием Дверницкого в Подольской губ. 22 апреля 1831 г. Николаю I пришлось успокаивать сановника, ссылаясь на получаемые с Волыни сведения, которые «доказывают, что почти никто не пристаёт к Дверницкому, и потому нет сомнения, что он пропасть должен»¹⁹. 24 апреля император набросал для Канкрин записку о том, что Дверницкого вынудили перейти австрийскую границу²⁰, а 25 апреля извещал его о поступившем рапорте, согласно которому в Палангене на границе с Пруссией было «всё совершенно спокойно», а «Шавли заняты г[енералом] Ширманом»²¹.

В 1830–1831 гг. основное внимание в еженедельных докладах Егора Францевича уделялось проблемам, связанным с разрешением тяжёлого финансового положения страны и поиском средств для нужд армии. 5 августа 1830 г., после беседы с военным министром гр. А.И. Чернышёвым, он доложил императору, что «смета Военного министерства на 1831 год будет значительно выше, почему делу о[б] улуч[ш]ении губернских штатов на первый раз не может быть дано движение». И хотя Николай I пытался настаивать на том, что «приготовления к неизбежному походу не должны обременять мирной сметы»²², вскоре ему пришлось прибегнуть к сверхсметным ассигнованиям. 5 октября он повелел гр. Чернышёву для подготовки к европейской кампании немедленно приступить к закупке лошадей для артиллерии. «Успокойте Канкрин относительно этих первоначальных расходов, — инструктировал его царь, — и старайтесь по возможности уменьшить их»²³. 10 октября Егор Францевич изыскал возможность выделить «на первый раз» 2 млн руб. за счёт «мирной росписи»²⁴.

31 октября гр. Канкрин представил всеподданнейшую записку о необходимости внутреннего займа «звонкой монетой» для покрытия чрезвычайных расходов. В ней, в частности, отмечалось, что «если возгорится война, то она, вероятно, будет продолжительна и потребует великих издержек, для коих имеющиеся в виду ресурсы весьма недостаточны»²⁵. По распоряжению Николая I эти соображения обсуждались в Комитете финансов. Первое заседание состоялось 9 ноября 1830 г. в присутствии вице-канцлера гр. К.В. Нессельроде. Кан-

¹⁷ Там же, л. 89. По свидетельству П.Г. Дивова, временно исполнявшего обязанности министра иностранных дел, 27 июля 1831 г. первоначально приостановили рассылку иностранных газет, в которых публиковалась речь Луи Филиппа, но затем эту меру отменили, ограничившись запрещением передавать его слова в российской печати (Из дневника П.Г. Дивова (1831 год) // Русская старина. 1899. № 12. С. 528).

¹⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 112.

¹⁹ Там же, л. 19.

²⁰ Там же, л. 206.

²¹ Там же, л. 21.

²² Там же, д. 57, л. 22.

²³ Цит. по: Шильдер Н.К. Между двумя войнами. Император Николай Павлович в виду французской революции 1830-го года // Русская старина. 1881. № 7. С. 385.

²⁴ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 29.

²⁵ Там же, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 4 об.

крин констатировал, что «требования» Военного министерства уже превысили смету 1830 г. на 10 млн руб., и «если бы и удалось свести общую роспись на 1831 год, то ни в каком случае из обыкновенных доходов нельзя ничего уделить на военные издержки»²⁶. Вице-канцлер отчасти поддержал его, выразив опасение, что политические обстоятельства могут «возродить войну»²⁷. В тот же день гр. Нессельроде писал фельдмаршалу гр. И.И. Дибичу: «Я провёл утро в заседании весьма грустного комитета, где Канкрин развернул перед нами картину бедности наших финансов. Не вполне разделяя его мнение относительно *наших невозможностей*, я должен, однако, согласиться, что источники для выполнения мер чрезвычайных совершенно иссякли. Без субсидий от Англии я не знаю, где мы почерпнём ресурсы для ведения войны, продолжительность которой никто не может предвидеть»²⁸. Поэтому члены Комитета, не приняв какого-либо решения, признали отсутствие средств для ведения не только продолжительной, но и «скоро кончиться могущей» войны²⁹.

20 декабря император утвердил роспись государственным доходам и расходам на 1831 г. Ожидалось, что в казну поступит около 407 млн руб., тогда как траты по Военному министерству составят свыше 156 млн руб., а по морскому ведомству — около 31 млн руб., ещё 12 млн руб. выделялось на чрезвычайные расходы, вызванные борьбой с холерой, неурожаем и польским восстанием³⁰. Для покрытия сверхсметных расходов на армию использовались также средства специального военного фонда, созданного по инициативе Канкринина и составлявшего в 1830 г. свыше 65 млн руб.³¹ Однако данная сумма не покрывала все издержки Польской кампании, на которую в 1831 г. казначейство ассигновало свыше 118 млн руб.³² «Ресурсы не были для сего достаточны, — указал Канкрин во всеподданнейшем отчёте за 1831 г., — а возникший в западных губерниях бунт расстроил многие источники доходов, а неведение, когда оный прекратится, родило мучительную неизвестность»³³. Между тем далеко не всегда средства тратились с пользой. Так, для пополнения запасов в Англии закупили до 100 тыс. ружей, что обошлось в 3 млн руб., выделенных из военного фонда. Однако в августе 1831 г. по прибытии транспорта с оружием в Кронштадт выяснилось, что значительная часть поставленных изделий неисправна. В результате убытки превысили 1,1 млн руб.³⁴

Тем не менее, отбросив первоначальный скептицизм, гр. Канкрин предложил покрыть все военные расходы с помощью внешних и внутренних займов. В январе—марте 1831 г. его план рассматривался в Комитете финансов³⁵, члены которого считали, что денег «для окончания похода в Польшу» достаточно, но

²⁶ Там же, л. 3, 4.

²⁷ Там же, л. 6—6 об.

²⁸ Цит. по: Шильдер Н.К. Между двумя войнами... С. 396—397.

²⁹ РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 6 об.—12.

³⁰ Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 134—137.

³¹ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История—статистика. Т. 1. СПб., 1882. С. 160, 185—186.

³² Там же. С. 187.

³³ Цит. по: Печерин Я.И. Указ. соч. С. 138.

³⁴ Блюх И.С. Указ. соч. Т. 1. С. 187, примеч. 2; Фёдоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 43—48.

³⁵ Журналы Комитета финансов 15 и 23 января, 18 февраля, 15 и 22 марта 1831 г. см.: РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 13—22 об., 28—37 об.

в случае европейской войны может возникнуть дефицит. Однако, как рассуждали сановники, если «теперь, когда имеется в виду одно возмущение Польши», в Петербурге заявили бы о необходимости обратиться к займам, то это не только «означало бы какую-то слабость ресурсов государства», но и «пред Европою могло бы дать вид, что Россия готовится к каким-либо более важным и дальновидным предприятиям, нежели к одному усмирению возмущившейся части жителей Польши». С другой стороны, следовало заранее и «без огласки» продумать все риски финансовых заимствований, учитывая, что, «к сожалению, нет никакого верного ручательства о сохранении мира в Европе, хотя бы Россия, по всей возможности и сколько достоинство и безопасность её и общее спокойствие Европы то позволяют, избежала дать к тому повод»³⁶. В итоге 14 мая 1831 г. император утвердил решение о заключении займа с голландским банкирским домом Гоппе³⁷, который, как говорилось в журнале Комитета финансов, с давнего времени оказывал «российской короне важные услуги» и всегда отличался «основательностью, точностью, усердием и честностью в исполнении возлагаемых на него поручений»³⁸. В 1831 и 1832 гг. правительство заключило с ним два «бессрочных» внешних государственных займа (по 20 млн руб. серебром каждый)³⁹.

Чрезвычайные военные расходы негативно сказались на состоянии российских финансов и увеличили массу государственного долга. В начале 1831 г. стал заметен отток капиталов частных вкладчиков из основных банков⁴⁰. Министерству финансов ничего не оставалось, как выпускать ассигнации, численность которых в обращении за 1831 г. увеличилась с 723,2 млн до 823,1 млн руб. В 1831 г. гр. Канкрин обратился и к краткосрочному внутреннему кредиту — в течение года трижды выпускались билеты Государственного казначейства (по 30 млн руб.) и одновременно заимствовались значительные средства из казённых кредитных учреждений⁴¹. В конце 1831 г. последовало повышение таможенных пошлин⁴².

Опасаясь за успех внешнего займа, гр. Канкрин внимательно следил за ходом Польской кампании, распространением холеры и ситуацией в Европе. «Если справедливы слухи, — докладывал он императору 12 июня 1831 г., — что мятежники взяли Паланген, то сие может иметь вреднейшее влияние на известный заграничный заём; и нужно бы сделать все возможные усилия вытеснить бунтовщиков с содействием морских сил. Чрезмерно строгие меры, взятые в чужих краях против холеры, и появление оной, по слухам, в Нижнем Новгороде теперь, во время ярмарки, также грозит большим расстройством внешней и внутренней торговле и таможенному доходу. С другой стороны, боязнь от холеры может содействовать к сохранению мира в Европе»⁴³.

³⁶ Там же, л. 14 об.—16.

³⁷ Журналы Комитета финансов 29 апреля, 6 и 13 мая 1831 г. см.: Там же, д. 24, л. 1—32.

³⁸ Там же, л. 10 об.

³⁹ Согласно расчётам П.П. Мигулина, займы 1831—1832 гг. были окончательно погашены в 1891 г. (*Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769—1899). Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков, 1899. С. 104—108).

⁴⁰ Записку «О состоянии наличных сумм в банковых установлениях», представленную Канкриным 16 февраля 1831 г., см.: РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 25—25 об.

⁴¹ *Блюх И.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 187—192; Министерство финансов. 1802—1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 226—228.

⁴² *Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 212, 223, 224.

⁴³ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 38—38 об.

До окончания русско-польской войны Николай I воздерживался от каких-либо публичных заявлений о дальнейшей судьбе Польши, даже если они могли бы благоприятно влиять на общественное мнение за границей. Между тем гр. Канкрин полагал, что это способствовало бы реализации голландского займа на более выгодных условиях. «Для укрощения большого шума в Европе, — писал он в секретной записке царю, — и для отнятия у самих поляков причин упорства, едва ли не полезно бы было издать какую-либо декларацию и пустить в публику, что Россия не имела намерений уничтожить Царство Польское и пр[оч]., и пр[оч]. Я дерзаю о сем упомянуть единственно в пользу предположенного займа». Однако императора эти соображения не убедили, и 19 июня 1831 г. он оставил резолюцию: «Весьма трудно»⁴⁴.

Летом 1831 г., в разгар Польской кампании, гр. Канкрин регулярно представлял доклады о тяжёлом положении возглавляемого им ведомства⁴⁵. «Расходы непомерны, особенно по военной части, — сетовал он 2 июля, — доходов в июне поступило менее до 2½ миллионов рублей и ещё должно ожидать вящего упадка... Внешние и внутренние обстоятельства, так сказать, в союзе против Министерства финансов; весьма трудно не терять духа»⁴⁶. 7 августа положение представлялось ему ещё более удручающим: «При ежедневно возрастающих военных расходах, сверх первоначальной сметы, и при нынешних обстоятельствах Европы, я священным долгом считаю всеподданнейше известить пред Вашим императорским величеством, что есть ли голландский долг не состоится, то все наличные и в виду имеющиеся чрезвычайные способы Министерства финансов не достаточны долго выдержать настоящие расходы, они большей частью истощатся в нынешнем году, а новых ресурсов в виду нет»⁴⁷.

Но если тон записок гр. Канкрин к концу лета становился всё более мрачным и пессимистичным⁴⁸, то Николай I неизменно призывал его не впадать в уныние и уповать на лучшее. Свою надежду на благоприятный исход дела он подкреплял верой в то, что Бог на стороне России. 8 августа 1831 г. он написал на графском докладе: «Всю трудность нашего положения я чувствую глубоко; моя надежда на Бога... На голландский заём я потерял всю надежду»⁴⁹. 25 авгу-

⁴⁴ Там же, л. 50.

⁴⁵ Когда в разгар эпидемии холеры в Петербурге в июне 1831 г. император установил для себя и своей семьи карантин в Александрии близ Петергофа, министру пришлось пересылать свои записки «под конвертом». Извиняясь за вынужденное ограничение деловых встреч, 19 июня 1831 г. Николай I отметил на одном из донесений Канкрин: «Вы знаете, что я не боязлив, но должен наблюдать осторожность для беременной моей жены и детей; тем же более когда в сие же время имели горесть потерять брата цесаревича от сей ужасной болезни, и в самое нарочное время». Впрочем, в экстренных случаях не исключались и личные встречи: «Если б необходимо было нам видеться, — писал монарх Егору Францевичу, — то можете прибыть на пароходе на пристань [на Елагином острове], где у меня на сей случай есть палатки, только предварите меня». Узнав о начавшемся в столице холерном бунте, самодержец рекомендовал министру позаботиться о личной безопасности и по ночам запирается дома. Канкрин, со своей стороны, распорядился негласно усилить охрану Государственного казначейства и Монетного двора. Описывая происходившие в городе беспорядки, он сообщал в Александрию о собственных впечатлениях и распространявшихся слухах, а 22 июня предупреждал: «Некоторые думают, что чернь уверена, что солдаты по ним стрелять не будут» (РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 46, 55–57, 59–59 об.; Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. № 8. С. 232, 233).

⁴⁶ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 71.

⁴⁷ Там же, л. 95.

⁴⁸ Там же, л. 47–48, 63 об.–64, 73, 92, 97, 102.

⁴⁹ Там же, л. 95.

ста, узнав про неудачу голландского займа, царь отметил: «Крайне сожалею; но мне кажется... что успех займа зависит от *г[енерала] Паскевича*; если Бог благословит его действия, то и заём наш заключится удачно и легко»⁵⁰. А с 16 октября уже и сам гр. Канкрин начал демонстрировать сдержанный оптимизм, видя, что «по письмам моих заграничных корреспондентов, взятие Варшавы продолжает иметь выгодное влияние на умы, уважение России усилилось и вообще дух исправляется более и более»⁵¹.

Под влиянием польского восстания Николай I учредил ряд секретных комитетов, которые создавались как для подготовки и проведения долгосрочных реформ, так и для оперативного решения различных проблем, возникавших при управлении окраинами. В 1831 г. гр. Канкрин был назначен членом Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете, разработавшего Органический статут 1832 г.⁵², а также Секретного комитета под председательством гр. Чернышёва, образованного для рассмотрения способов расширения военных возможностей России⁵³. В сентябре 1831 г. его также включили в состав Комитета западных губерний, где сосредоточились законосовещательные и, отчасти, распорядительные функции по всем гражданским делам края и определялась программа его будущего переустройства. Вместе с тем по желанию Николая I гр. Канкрин ещё в январе 1831 г. в отзыве на всеподданнейшую записку генерал-адъютанта С.П. Шипова «Взгляд на Подольскую губернию» изложил своё мнение о положении западных губерний и возможности их «сближения» с центром империи. В феврале–марте 1831 г. его замечания, наряду с рекомендациями Шипова и могилёвского гражданского губернатора М.Н. Муравьёва, оказались в центре внимания Особого комитета под председательством кн. А.Н. Голицына, своеобразного «предшественника» Комитета западных губерний⁵⁴.

Судя по его отзыву, интеграцию западных губерний Егор Францевич связывал с традиционной кооптацией местной элиты в состав правящего слоя империи при сохранении основных её привилегий. П.К. Щербальский верно подметил, что для гр. Канкрин это был «завоёванный край, который надо удержать за Россией, щадя справедливые, по его мнению, права поляков на господство в нём, как в их природном крае. Он, конечно, понимал, что не безопасно и не благоразумно было бы сохранять в нём ту отдельность, которая существовала до мятежа 1831 г. ... Что же касается до миллионов крестьян, то их права на религию и язык не имели, по-видимому, никакого значения в глазах расчётливого министра»⁵⁵.

Всю территорию края граф отождествлял с «Литвой», не выделяя в ней каких-либо культурно-исторических областей. Поляки, составлявшие в «Литве» меньшинство населения, были для него «пришельцами», но по отношению

⁵⁰ Там же, л. 102.

⁵¹ Там же, л. 113.

⁵² *Эпштейн Э.Е.* Деятельность Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете (1831–1835 гг.): проекты и стратегии управления. М., 2015.

⁵³ *Kagan F.W.* The Military reforms of Nicholas I: the origins of the Modern Russian army. N.Y., 1999. P. 213–220.

⁵⁴ Подробнее об Особом комитете см.: *Андреева Т.В., Виле И.Н., Миловилов Б.П., Шилов Д.Н.* Комитет западных губерний... С. 27–30; *Комзолова А.А.* Николаевские сановники и «бывшая Литва»: из архива Комитета западных губерний, 1830–1831 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 4(16). С. 15–21.

⁵⁵ *Щербальский П.К.* Вигель о польском вопросе // Русский вестник. 1864. № 6. С. 826.

к ним сановник предлагал действовать осторожно, постепенно и «неприметным образом». В частности, он придавал большое значение привлечению «природных поляков» на военную и гражданскую службу, причём как в западных, так и во внутренних губерниях и столицах. «Мысль о приноравливании Литвы к России, — утверждал гр. Канкрин, — была бы несбыточна и весьма неосторожна, если бы большая масса народа состояла из поляков. Ничто более не повредило бывшей Французской империи, как стремление отнять у других наций природные языки и законы». Как ему казалось, «нельзя полагать, чтобы поляки сделались вовсе русскими; но может быть такое приближение, как, например, Алзас с Францией»⁵⁶.

Среди остальных жителей региона министр выделял «малое только число литовцев» и большинство — «племя западных россиян (неправильно малороссиян)», язык которых несколько отличался от привычного для «северовосточных россиян (москалей)», но меньше, чем «баварский от саксонского». По своему «характеру» они были «более склонны к лености, мягки, мало предприимчивы, не поворотны, но в случае храбры». Егор Францевич считал их «русскими», так как «даже вероятно, что они прежде других носили сие наименование», и это само по себе могло содействовать «присоединению их опять к общему великому народу руссов»⁵⁷.

Граф не исключал, что со временем произойдёт воссоединение местных греко-католиков с православием, поскольку «униаты едва ли не сами склонны освободиться от римского влияния». Однако он предостерегал против каких-либо резких и насильственных действий правительства в отношении «богатого» католического клира, «обладавшего высшим обществом». Принцип «веры коснуться не должно»⁵⁸ оставался для него фундаментом любой интеграционной политики на западных окраинах. Более того, католическое духовенство воспринималось им как потенциальный союзник императора в деле защиты общих консервативных и прежде всего семейных ценностей, ведь оно «в сущности должно бы более клониться на сторону религиозной монархии, нежели на сторону вольнодумства в Королевстве Польском». Вследствие этого казалось вполне естественным сохранить в его руках образование местных «высших классов», когда российское правительство не могло обеспечить их хорошо подготовленными русскими учителями⁵⁹.

Любые попытки «возвысить Киев» и «уничтожить» влияние Варшавы как центра притяжения для западных окраин представлялись гр. Канкрину неосуществимыми, «ибо тут действуют язык и литература»⁶⁰. Он не верил в то, что неодолимое, по его мнению, культурное доминирование Польши можно ослабить, распространяя в Западном крае географические и исторические сочинения «в духе русском» и стараясь «возбуждать старые отечественные воспоминания». Граф утверждал, что «в местах, где все высшие классы состоят из поляков, нельзя ожидать особого успеха, доколе в течение многого времени не сблизятся народы русский и польский. Притом древние времена русского владения тамошними провинциями не могут быть почтены отечественными для поляков, ибо они суть пришельцы и польскую историю предпочитают всякой

⁵⁶ Комзолова А.А. Николаевские сановники... С. 23.

⁵⁷ Там же. С. 22.

⁵⁸ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 258 об.

⁵⁹ Комзолова А.А. Николаевские сановники... С. 23.

⁶⁰ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 259.

другой»⁶¹. Проекты привлечения в западные губернии дворян и чиновников из центра страны министр финансов находил бесперспективными, так как «вообще немногие из русских охотно будут жить в обществе, им чуждом». Пользу могло принести лишь создание в регионе русских майоратов. В целом же «нужны много времени и весьма постепенные действия, чтобы польские губернии обрусели»⁶². Поэтому «на первый раз всегда надёжнее будет привлекать самих поляков к России»⁶³.

Признавая необходимость «сблизить между собой законы литовские и русские», гр. Канкрин в то же время утверждал, что «нельзя распространять на Литву ныне существующие российские гражданские и уголовные законы». Он настаивал на том, что Литовский статут, который имел «важные недостатки» и к том же «обветшал и даже сделался мёртвым законом», основан «на гораздо правильнейших началах» по сравнению с российскими законами. И поскольку «вообще же нельзя лишить народа вдруг своего коренного законодательства, ибо оно связано посредством тысячи нитей с общежитием и с семейным бытом»⁶⁴, министр возражал против прекращения действия Литовского статута в западных губерниях и противился ускоренному введению там русского языка в судопроизводство. Тем самым он фактически рассматривал польских дворян как единственный «политический народ» края, а их культурное доминирование признавал неизбежным условием будущей интеграции этого региона.

При этом Егор Францевич являлся сторонником жёсткого подавления разгоравшегося в западных губерниях восстания. В целесообразности каких-либо «благоразумных внушений» граф сомневался. «И как назначенному генералу сообщаться с мятежниками? — недоумевал он. — Те места, где в[з]бунтовались, надобно усмирять оружием, а там, где ещё тихо, подобные внушения обнаружили бы только опасения правительства. Кроме того, у тех литовских дворян, кои прямо участвуют в мятеже, вероятно, небольшие имения, и те, может быть, заложены в банках. Впрочем, немалая часть ребеллов, как думать должно, состоит из шляхты — вообще крайне нужно остерегаться, чтоб из польского бунт не сделался бы *крестьянским*»⁶⁵.

Для скорейшего подавления восстания и политической стабилизации региона правительство прибегало к секвестру и конфискации имений мятежников, причём эти меры не преследовали цели подорвать землевладение местного польского дворянства. 6 мая 1831 г. после предварительного обсуждения в Комитете министров Николай I подписал подготовленный 1 мая по его поручению гр. Канкриным указ, согласно которому секвестрованные имения поступали в западных губерниях в ведение казённых палат⁶⁶. 4 июня 1831 г. по инициативе министра финансов вышел действовавший до 4 октября указ о прощении и освобождении от секвестра и конфискации тех, кто явится с раскаянием⁶⁷. Эти меры граф связывал с «малым числом не притворно-верных

⁶¹ Там же, л. 257.

⁶² Там же, л. 256 об.

⁶³ *Комзолова А.А.* Николаевские сановники... С. 24.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 249 об.

⁶⁶ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 29; ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. СПб., 1832. № 4535.

⁶⁷ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. № 4624; *Виле И.Н., Шилов Д.Н.* Проблемы Западного края в деятельности Комитета министров в 1831 г. // Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 8. СПб., 2021. С. 89, 91.

поляков» в крае. «Те поляки, — писал он императору 2 июля 1831 г., — кои сожалеют, что часть заблуждающихся могут получать прощения, едва ли могут иметь другие виды, как собственные»⁶⁸. Ещё 12 июня Егор Францевич доложил о том, что «по дошедшим сведениям указ 6-го мая начал действовать с особенною пользою, но нашествие Гелгуда снова испортило дело». «Надеюсь, не надолго», — отметил царь на полях доклада⁶⁹. 17 июля 1831 г. последовало высочайшее утверждение разработанных в финансовом ведомстве правил для губернских комиссий и казённых палат западных губерний по делам о секвестре и конфискации имений повстанцев⁷⁰. Характерно, что при рассмотрении проекта в Комитете министров император настоял на ужесточении ряда формулировок⁷¹.

С весны 1831 г. приоритетом политики в западных губерниях становится стремление усилить «водворение природных русских семейств»⁷² и улучшить жизнь местных крестьян при помощи введения регламентации и контроля в их отношения с помещиками. В марте 1831 г. по распоряжению Николая I гр. Канкрин подготовил проект, предусматривавший создание майоратов на базе конфискованных имений. Согласно указу, подписанному 4 апреля 1831 г., их следовало раздавать «мелкими участками» (но не менее 100 душ) «в вотчинное владение с некоторым ограничением в помещичьем праве», без частого раздробления между наследниками. Они предназначались для имевших «отличные заслуги» небогатых русских чиновников, которые обязывались сами вести хозяйство⁷³. Данный указ стал основой для разработки дальнейших планов аграрной политики в крае. Осенью 1831 г. во время пребывания Николая I в Москве гр. Канкрин представил ему личный доклад по делу «о конфискованных имениях». Он подготовил общие правила для проведения люстрации и раздачи данных имений, которые в ноябре 1831 г. и мае 1832 г. обсуждались в Комитете по делам западных губерний⁷⁴. Министр финансов полагал, что майораты следовало учреждать не на вотчинном праве, а передавать их в длительную или потомственную аренду, сохраняя за ними характер казённых владений. Однако император поддержал мнение большинства членов комитета, высказавшихся за создание наследственных майоратов «на особом праве»⁷⁵.

По мысли Николая I, конфискованные имения должны были не только образовать земельный фонд для майоратов, но и дать образец для будущей реорганизации крепостнических отношений в крае. В марте 1831 г., приказав гр. Канкрину подготовить указ о майоратах, царь одновременно обратил внимание «вообще на нынешнее состояние помещичьих крестьян» в западных губерниях, выразив желание обеспечить «улучшение их участи, при благоприятных обстоятельствах, устройением системы определительных повинностей»⁷⁶.

⁶⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 74–74 об.

⁶⁹ Там же, л. 41.

⁷⁰ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. № 4711.

⁷¹ *Вибе И.Н., Шилов Д.Н.* Проблемы Западного края... С. 89.

⁷² РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5610, л. 3.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 115; Журналы Комитета западных губерний. Т. 1. С. 121–128, 201–207.

⁷⁵ Подробнее о разработке статуса майоратов в западных губерниях и позиции гр. Канкрин см.: *Неупокоев В.И.* Крестьянский вопрос в Литве в XIX веке. М., 1976. С. 60–73.

⁷⁶ РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5610, л. 3 об.

Интерес императора к крестьянскому делу в разгар Польской кампании свидетельствовал о последовательности и серьёзности его намерений.

Граф Канкрин также являлся сторонником поэтапной отмены крепостного права в России. В 1818 и 1827 гг. он уже представлял императорам свои проекты соответствующих преобразований в помещичьей деревне⁷⁷. Однако, размышляя в марте 1831 г. о дальнейшей судьбе крестьян, принадлежавших мятежным польским помещикам, граф сомневался в целесообразности их освобождения в ближайшем будущем, поскольку «таковой пример был бы крайне опасен». По его мнению, вопрос об освобождении крестьян западных губерний не следовало рассматривать отдельно от программы отмены крепостного права во всей империи⁷⁸.

Видимо, по воле царя в указе 6 мая 1831 г. говорилось о том, что повинности в секвестрованных имениях надлежит привести «в умеренность», а крестьянам предписывалось подчиняться «определённым над ними от правительства начальникам»⁷⁹. Однако статус этих крепостных был очерчен недостаточно чётко, что соответствовало осторожной позиции Канкрин. «Не удобно употребить в указе слова, что крестьяне причисляются к казённым, — пояснял он императору, — ибо после того впоследствии нельзя бы было отдать их по пожалованию в условное частное владение»⁸⁰.

Таким образом, будучи одним из ключевых советников Николая I и оказывая значительное влияние на формирование его политики, что особенно ярко проявилось в период кризиса 1830–1831 гг., гр. Канкрин отнюдь не являлся безгласным исполнителем монаршей воли и свободно высказывал царю свои суждения по различным проблемам. Николай I учитывал мнение министра, но, принимая решения, в том числе и в финансово-экономической сфере, также руководствовался собственными представлениями о «кодексе поведения» самодержца, его долге и ответственности, международных обязательствах России и т.д. В итоге, правительственный курс формировался в своеобразном диалоге между «просвещённым» монархом и его доверенными помощниками, отражавшемся во всеподданнейших докладах и журналах комитетов. Конечно, взгляды гр. Канкрин и Николая I далеко не всегда совпадали, но они оставались единомышленниками в главном — в стремлении обеспечить безопасность, устойчивость и процветание империи. Как полагал сам Канкрин, его «заслуги состояли не в том, что сделано, а в том, чего он не допустил»⁸¹. В 1830–1831 гг. ему удалось не допустить финансовой катастрофы, которая могла бы иметь фатальные последствия как для социальной стабильности внутри России, так и для положения русской армии на полях сражений в Польше.

⁷⁷ Проекты Канкрин предполагали определение и ограничение повинностей, переход к повальному наделению земель и постепенный выкуп крестьянами земли в семейное наследственное владение. Поэтапная отмена крепостного права, по его мысли, должна была растянуться на 50–60 лет, вплоть до 1880-х гг. Подробнее см.: [Канкрин Е.Ф.] Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 году, по повелению Александра Павловича // Русский архив. 1865. № 10–11. Стб. 1360–1373; Ружицкая И.В. Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России // Экономическая история: ежегодник. 2002. М., 2003. С. 465–475.

⁷⁸ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 248 об.

⁷⁹ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. № 4535.

⁸⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 30.

⁸¹ Граф Егор Францович Канкрин. Очерк его жизнеописания // Русский архив. 1866. № 1. Стбл. 124.